

КАЦЕЛЬСОН С. Д.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

(Окончание)

Основатель немецкой философии языка В. Гумбольдт, подобно другим языковедам-романтикам, много внимания уделял как общим вопросам типологии, так, в частности, и морфологической классификации языков. К известным другим романтикам классам языков он (правда, не без колебаний) добавил еще один, а именно класс инкорпорирующих языков. Встретившийся ему в некоторых американоиндейских языках специфический способ выражения грамматических функций, известный под именем инкорпорации, относительно редко обнаруживается в языках мира. В частности, он используется в некоторых реликтовых языках Сибири, так называемых «палеоазиатских», или «палеосибирских».

Особенностью инкорпорации как способа выражения грамматических функций является ее комбинированный морфолого-синтаксический характер, внешне напоминающий определенный прием морфологии словообразования, а именно словосложение, т. е. соединение двух или нескольких слов в одно в целях образования нового слова. Но, будучи по своему строению сложным целым, инкорпорация служит не целям словообразования, а целям выражения синтаксических отношений между объединенными в единый инкорпоративный комплекс словами. Ср. чукот.: *Ты-мачеэ-тылп-ын кораны* «(Я) кольнул в грудь оленя (его)», букв. «груде-кольнул оленя» [13].

Своеобразие инкорпорации, ее гибридный лексико-морфологический и синтаксический характер должен был, по-видимому, смущать Гумбольдта, поскольку предполагаемая инкорпорацией текучесть границ между синтаксисом и морфологией плохо вязалась с классификационно-типологическими представлениями романтиков, основанными на гипотезе об агглютинативном происхождении флексии из однокоренных слов-корней. Инкорпорация как своеобразный морфологический прием, несводимый к форме слова, представляла в этом отношении явные трудности.

Заслуги Гумбольдта в области континентальной типологии не сводятся к тем относительно небольшим дополнениям, которые были им внесены в морфологическую классификацию языков [14]. То, что связано с его именем в типологии, гораздо более масштабно. Он заложил теоретические основы типологии как лингвистической дисциплины.

В строе языков Гумбольдт различал два «конститутивных начала» — смысловое и звуковое. Смысловым началом он называл духовное достояние, связанное с формированием и функционированием языков. Смысловое начало по сравнению со звуковым отличается большей активностью и является ведущим в языке, тогда как звуковое начало пассивно. Но абсолютно пассивным считать его не приходится, ибо, как отмечал Гумбольдт, в силу воздействия на звуки смыслового начала они превращаются в членораздельные элементы речи и приобретают тем самым известную активность, проявляющуюся в процессе их символизирующей деятельности.

Принципиальное значение для теоретического обоснования типологии имеют высказанные Гумбольдтом соображения о мыслительных предпосылках родства языков. Ссылаясь на опыт переводов с разных языков, Гумбольдт находил, что хотя по степени своей адекватности переводы обнаруживают весьма широкую амплитуду колебаний, но уже сама по себе возможность перевода является «следствием общего родства всех языков, гибкости понятий и их знаков» [15, с. 651].

Обращаясь к основной проблеме типологии — проблеме сходств и различий в строе языков мира, — Гумбольдт находит, что выделенные им «начала» играют в этом отношении неравноценную роль. Отмечая, что естественная способность к языку и к пониманию всех языков является общей для всех людей, Гумбольдт заключает, что форма всех языков в сущности должна быть одинаковой: различие может наблюдаться только в избираемых средствах и только в границах, позволяющих достижения общей цели. С другой стороны, Гумбольдт указывает, что «различия многообразно представлены в языках, и не в одних только звуках — это означало бы, что одинаковые вещи имели бы разные обозначения — но также в смысловом использовании формы и даже в своем мнении о ней» [15, с. 651].

Если бы все сводилось к одним лишь звуковым различиям, то, как замечает Гумбольдт, все языки оказались бы однотипными. «В действительности, однако, дело обстоит иначе, частью по причине обратного воздействия звучания на смысл, частью в силу индивидуальных отклонений внутреннего смысла в речи» [15, с. 651].

Гумбольдт приходит таким образом к заключению, что внешняя, т. е. звуковая сторона языка, в принципе пассивная, в процессе функционирования и развития может приобрести вторичную активность и оказывать обратное воздействие на смысловое содержание языка. Конкретных примеров такого воздействия он не приводит, в силу чего все рассуждение принимает в этом пункте абстрактный и чисто умозрительный характер. Было бы, однако, ошибкой видеть во всем этом плод абстрактного и оторванного от реальности философствования. В дальнейшем нам еще представится случай убедиться в том, как в последующем развитии науки эти казались бы беспочвенные идеи обрастали живой плотью и принимали реальные очертания. Соссюровская теория «значимости» и генетически связанная с нею теория «семантического поля» с достаточным основанием могут рассматриваться как реализация гумбольдтовой догадки об «обратном воздействии стихии звучания на мысль».

Не ограничиваясь постановкой вопроса о соотносительной роли значения и звучания как факторов порождения сходств и различий в строе языков мира, Гумбольдт переходит вслед за этим к рассмотрению генетических корней языкового смысла. Традиционно различаемые в сфере языкового смысла специфические области грамматики и словаря рассматриваются им как генетически разнородные продукты мыслительной деятельности людей. Поскольку грамматические категории соприкасаются с логическими и в ряде случаев совпадают с последними, то давно уже высказывалось мнение, что сходство языков покоится на логической основе. Гумбольдт подхватывает эту мысль. «Грамматические категории, — замечает он, — являются по большей части мыслительными формами логического происхождения. В своей совокупности они образуют систему, которая, будучи логической, непосредственно не входит в язык и скорее является его мыслительной основой. Вместе с тем, однако, и логическими в собственном смысле слова их не назовешь, т. к. обращенные лицом к грамматике, они обнаруживают ряд особенностей. Они, можно сказать, составляют область логической грамматики, которая в сущности ни логикой, ни грамматикой не является; это идеальная система, не совпадающая с конкретными категориями отдельных языков».

О причинах отклонения грамматики от логики Гумбольдт говорит лишь в самых общих чертах. Различия между языками обусловлены прежде всего звуковой стороной языка, а именно тем обстоятельством, что звуки связаны с содержанием языковых единиц лишь внешним образом. Единство языков обусловлено единством их мыслительной основы. Если тем не менее языки обнаруживают расхождения и в функциональном содержании языковых форм, то происходит это «частично по причине обратного воздействия звуков, частично по причине индивидуальности внутреннего смысла и его обнаружения» [15, с. 651]. Эти положения не подкреплены у Гумбольдта достаточным фактическим материалом, но, как показало дальнейшее развитие науки, они не лишены некоторого реального

значения. Следует заметить, что рассуждения Гумбольдта о «внутренней форме языка» [16] в известной мере развивают универсальный момент в строе языков мира.

Интуитивно улавливая сходство грамматики с логикой, Гумбольдт вместе с тем дальше самых общих и несколько противоречивых определений не идет. Границы сходств и различий им не уточняются, как не выясняются и причины несовпадения этих систем. Все это приводит к тому, что заключения, к которым он приходит, как бы повисают в воздухе.

Наряду с грамматикой, так или иначе воспроизводящей логическое начало в языке, здесь выделяется еще и другое начало, которое, в отличие от логики, относится не к мыслительной, а скорее к психологической сфере. Имея в виду словарный состав языка и в первую очередь процессы номинации, предполагающие кристаллизацию понятий и присвоение им определенных названий, немецкий языковед-мыслитель видит в них проявления не мысли как таковой, а процессов чувственного восприятия, фантазии и эмоций. Если логическое начало составляет универсальную основу в содержании языковых форм, то проявляющиеся в лексике психологические моменты символизируют национальную самобытность языка, его идиоматичность, свойственные языку идиоглоттические черты. Применительно к этой стороне языка Гумбольдт говорит о «национальном духе» или «гении» отдельного языка, — понятие, заимствованное им у английского философа Э. Шефтсбери и английского лингвиста Дж. Харриса. В этой части изложение принимает у Гумбольдта особенно неясные и туманные формы. «Фантазия и эмоции, — говорит он, — создают индивидуальные образования, в которых проявляется индивидуальный характер нации и где при всей этой индивидуальности многообразие способностей, с помощью которых достигается эта индивидуальность, и определений, в которых она выражается, представляется бесконечным» [15, с. 465]. Процесс номинации характеризуется в абстрактных и недостаточно определенных терминах. Постигая внешнюю природу, человек, по выражению Гумбольдта, самостоятельно активизирует свои внутренние ощущения и в соответствии со своими духовными потенциями, как они распределяются по отдельным разрядам, формирует в процессе языкотворчества «понятия — в их движении изнутри — навстречу слову» [15, с. 469]. В этом процессе всегда просвечивает национальное своеобразие. Гумбольдт не подкрепляет свои мысли иллюстративным материалом. Редким исключением является ссылка на санскрит, где значение «слон» выражается то словом «двузубый», то словом «многопьющий» (буквально «дважды пьющий»), то еще словом «однорукий» [15, с. 468].

Применительно к именам здесь, таким образом, выделяется генетический момент. Если ранее при рассмотрении грамматики и ее связи с логикой генетические моменты не всплывали на поверхность, то теперь, с переходом к номинации, резко подчеркиваются процессы психической подготовки понятия и последующей фиксации его в имени. Первая фаза характеризуется активизацией ощущений и перерастанием их в предмет. Отбор характеризующего данный предмет признака и обозначение предмета по какому-либо характерному для него признаку завершает этот процесс. Такая интерпретация процесса номинации была поддержана в процессе дальнейшего развития языкознания, и прежде всего сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, в частности, результатами этимологических исследований. Не случайно поэтому обнаруживаемый исследователем слова его этимологический признак, так называемый «этимон», получил у последователей Гумбольдта в соответствии с учением о «внутренней форме языка» название «внутренней формы слова».

Новое направление в истории типологических учений открыли исследования ученика и продолжателя В. Гумбольдта — Г. Штейнталя. Как последователь Гегеля в области философии он выступил с исследованием «Классификация языков, представленная как развитие языковой идеи» [17]. Но уже в последующем издании этой работы, вышедшем под заголов-

ком «Характеристика главнейших типов языкового строя» [18], он с классификационных позиций перешел на собственно типологические.

Уже одно сопоставление этих названий позволяет думать, что замена в заглавии труда одного термина («классификация») другим («типология») не было случайностью, а знакомство с содержанием этих работ убеждает нас в том, что труд Штейнтала был задуман как продолжение исследований немецких языковедов-романтиков в области морфологической классификации языков. Но продолжение это — не ученическое; в принципе оно сохраняет исходные теоретические основоположения всего романтического учения. Однако оно — резко критическое, стремящееся к решительному пересмотру романтического учения. Учение о морфологических классах языков должно было теперь уступить место учению о морфологических типах языков. На смену классификации пришла типология. Наступил новый этап в развитии типологии, который в целях его отграничения от классификационной типологии романтиков можно было бы назвать «собственно типологическим». Утверждать после сказанного, что морфологическая классификация языков в том виде, как она была намечена в концепциях немецкого романтизма, и учение об основных морфологических типах, как его развивали Штейнталь и его последователи, это сходные или даже тождественные концепции, было бы явным отступлением от истины. Отталкиваясь от классификационных построений романтиков, Штейнталь и его последователи развивали свою оригинальную «собственно типологическую» концепцию.

Понятие типа заметно отличается от понятия класса, а в некоторых отношениях даже противоречит ему. Если понятие класса равномерно охватывает все входящие в данный класс элементы, не отдавая при этом предпочтения ни одному из них, то понятие типа заранее ориентировано на один из элементов класса — именно на тот, который ярче и выразительнее других воплотил в себе черты всего класса. Но понятие типа языка появляется в языкознании относительно поздно и не может служить отправным пунктом при рассмотрении того, что представляла собой лингвистическая типология на разных этапах своего исторического развития. Первым о типах языков заговорил в языкознании, как известно, Штейнталь. Отказ от идеи «классов-стадий» приводит Штейнтала к радикальному пересмотру романтических позиций в области типологии и общей морфологии. Он сопровождается также отказом от романтического деления языков на «органические» и «неорганические». Усмотрев в предложенном Ф. Шлегелем делении языков на «органические» и «неорганические» механический перенос «отношений органической природы непосредственно на язык», он решительно осудил эту идею как «проявление мистицизма и грубости мысли». «Естественно-историческую классификацию языков», предложенную Боппом, он ставил несравненно выше, поскольку в ней уже не было тех несообразностей, которые встречались у братьев Шлегель. «Бопп, — писал Штейнталь, — исходит из техники языка, т. е. из средств, с помощью которых язык образует свою грамматику и которые он применяет при оформлении обозначения категорий. Эта техническая точка зрения — существенный момент, который должен учитываться всякой классификацией языков, и обнаружение этого факта является непреходящей заслугой Боппа». Много внимания уделяется Штейнталем выявлению и критике теоретических положений, имплицитно содержащихся в романтической классификации языков. Он решительно отвергает идею «чистых языковых типов». Так, касаясь аналитического строя, он замечает: «Чисто аналитических языков не существует, ни английский, ни персидский язык не являются таковыми... Еще в меньшей степени таковыми могут считаться итальянский с испанским».

Романтическая классификация языков основывалась, как мы видели, на гипотезе агглютинации, выводящей флективные формы индоевропейских языков из первоначальных односложных слов-корней. Постепенное сращение и дальнейшее сплочение таких слов-корней должно было, согласно этой гипотезе, закономерно привести к образованию агглютинативного и флективного строя. Принципиальное значение придавалось при

этом степени сращения первоначальных корней. Штейнталь подверг эту гипотезу сомнению. «Что существенного,— спрашивает он,— в том, что связь грамматических слогов с корнем может быть менее или более тесной? И что такое вообще тесная и слабая связь?— Такое разграничение явно исходит из того, что тесная связь предпочтительнее» [18, с. 5, 8—9]. Ссылаясь на мнение некоторых исследователей, Штейнталь считает агглютинативные связи более совершенными, чем флективные, в силу большей прозрачности их строя, большей отчетливости и легкой вычленяемости их форм. К тому же эти языки весьма регулярны и не обнаруживают аномалий. Они имеют всего лишь один тип склонения и один тип спряжения, тогда как индоевропейские флективные языки имеют несколько таких типов. Все это дает основание пересмотреть тезис о превосходстве флективных языков и подумать, не является ли флексия скорее деградировавшей и выродившейся агглютинацией.

Некоторые романтики видели достоинство флексии в том, что вещественные и формальные элементы в ней слиты и взаимно пронизывают друг друга. Но как же эта слитность и спаянность проявляется в таких греческих формах, как $\lambda\acute{o}\gamma\text{-}\sigma\text{-}\epsilon$, где каждый сегмент обособлен от всех остальных? К сказанному можно было бы добавить, что сегментация таких форм, как $\lambda\acute{o}\gamma\text{-}\sigma\text{-}\epsilon$, где помимо корня и окончания дан еще суффикс основы, едва ли может быть согласована с теорией агглютинации, согласно которой каждый морфологический сегмент восходит к архаическому односложному корню.

Ориентированная на теорию агглютинации романтическая классификация языков в целом проходила мимо таких способов выражения грамматических отношений, как словоупотребление и служебные слова. В случаях этого рода мы сталкиваемся с надсегментными техническими средствами, плохо согласующимися с глоттогоническими воззрениями романтиков. Однако не разобравшись в вопросах, касающихся функции грамматической формы и многообразия способов ее звукового выражения, трудно было разглядеть в надсегментных грамматических средствах нечто родственное по функции с флективными формами слов. Но именно с разработки вопросов этого рода и следовало все начинать. Утверждали же Гумбольдт и Бопп, что китайский язык полностью лишен грамматических форм и что в нем нет организма, нет никакой грамматики. Этого не случилось бы, если бы своевременно были решены теоретические вопросы общей морфологии.

Романтическая классификация отличалась историко-генетической направленностью. Гипотезы подобного рода нуждаются в серьезном эмпирическом и теоретическом обосновании. Но этой стороне дела не уделялось должного внимания. А. Шлегель, правда, задавался вопросом, может ли язык, находящийся на определенной ступени развития, например, агглютинативный, развиваясь дальше, подняться на новую ступень, флективную. Штейнталь возражал против самой формулировки вопроса. Науку, настаивал он, должны интересовать не абстрактные возможности, а реальные закономерности.

Центральным вопросом общей морфологии и, можно сказать, теории грамматики в целом является вопрос о соотношении грамматического строя языка и осуществляющегося в формах этого строя речевого мышления. Штейнталь касается этого вопроса попутно, в связи с критикой лингвопсихологической концепции немецкого психолога Вайтца. Предвосхищая идею глагольной валентности, Вайтц видел в глаголе отображение определенной картины действительности. Так, немецкий глагол *aufpassen* «подстерегать, поджидать врага в засаде» предполагает определенную ситуацию, которая может быть определена с помощью таких представлений, как «сегодня», «ночью», «Кай», «враг», «убивать». С помощью этих или подобных им представлений языку в таком случае надлежит выразить не только данную картину, взятую в целом, но также отношение каждого частного представления ко всем остальным. В каждом языке речевое воспроизведение такой картины принимает, как отмечает Вайтц, свои особые формы. Эти особенности звукового воплощения действительности пред-

ставляют, по Вайтцу, значительный интерес для психологии языка. Штейнталь решительно не согласен с такой постановкой вопроса.

Вайтц в сущности оставляет романтическую классификацию языков нетронутой. Он стремится показать, как глубоко тип языка воздействует на формирование мира представлений. На деле, однако, он принимает для данного языка «мир представлений» в соответствии с морфологическим классом, представленным в данном языке. Так, о «представлениях», выступающих в изолирующих языках, он говорит, что каждое из них оставляет «массу представлений» почти неизменной, и не создает стимула к ее расчленению, вследствие чего различие между главным и второстепенным представлениями остается лишь намеченным. Все это живо напоминает романтические представления об «аморфности» и «аграмматичности» китайского языка.

Сходным образом интерпретируется Вайтцем воздействие типа морфологии на «мир представлений» синтетического языка. Одной из особенностей языков данного типа является специфическое преломление в них терминов родства и названий частей тела. Слова этого рода не встречаются здесь в абсолютном употреблении. На таком языке нельзя, например, сказать просто «отец» или просто «рука»: необходимо всякий раз предпосылать им местоимение, уточняющее, чей это отец и чья это рука. Для языка этого типа важно различать, идет ли речь об относительно самостоятельном или же независимом представлении. Вайтц, таким образом, поддерживает романтический тезис о существовании прямой связи между морфологическим типом языка и степенью развития выражаемых им отношений [18, с. 13—14; 17].

Штейнталь в принципе отвергает такое понимание соотношения формы и содержания в языке. «Что существенного в том, — спрашивает он, — каким образом устроен тот или иной язык, была бы только речь на данном языке понятна... Что скрывается в различиях элементарных навыков по связыванию и установлению отношений между единичными представлениями? И что такого в том, приучен ли я самостоятельно обнаруживать отношения между представлениями или же язык выражает их и дает в готовом виде? И если последнее, то какая разница, выражает ли он это с помощью служебного слова или словоизменения? Разве существенный результат не всегда тот же самый?... Если немец скажет *ich werde lieben*, то разве он в меньшей мере, чем римлянин, говоривший в этом случае *amabo*, свяжет подлежащее с предикатом, а последний с будущим временем?». И вслед за этим он формулирует принцип, который резко противоречит всей романтической теории языка и который можно было бы назвать принципом иррелевантности способа выражения грамматических отношений. В формулировке самого Штейнталья этот принцип гласит: «Язык тем совершеннее, чем полнее и надежнее все обозначается в нем... Какими средствами пользуется он в этих целях, не столь важно» [18, с. 18—19]. Легко заметить, что сформулированный таким образом принцип плохо согласуется с романтическим восхвалением флексии. Следует, впрочем, оговориться, что мысли этого рода продиктованы здесь задачами полемики с Вайтцем и Штейнталь впоследствии отстаивал совершенно иную, можно даже сказать, диаметрально противоположную позицию в этом вопросе.

Свой разбор взглядов Вайтца Штейнталь завершает общей оценкой позиции психолога. Штейнталь упрекает его в отходе от психологической интерпретации языка. Кроме того, Вайтцу, заключает он, явно недостает знания того, что Гумбольдт называл «внутренней формой языка».

В учении Гумбольдта Штейнталь особенно ценил тезис об индивидуальном своеобразии каждого языка. Гений Гумбольдта проявился, по Штейнталю, прежде всего в идее системности и неповторимого своеобразия каждого языка. Считая вслед за Гумбольдтом каждый язык выражением «духа» говорящего на данном языке народа, Штейнталь все же отмечает некоторую неопределенность и расплывчатость этого понятия, которое сам Гумбольдт определял то как «духовную жизнь», то как «характер и духовную самобытность», то как «способ представления» и «образ мысли» (*Sinnesart*), то как «мышление» и «характер» данного народа. С этим смут-

ным понятием, открывающим широкий простор для различных толкований, тесно соприкасается другое, а именно понятие «внутренней формы языка», которое Штейнталь считает «важнейшим в языкознании» и «генеральной находкой» Гумбольдта [18, с. 34, 38, 39]. Но и в данном случае Штейнталь отмечает недостаточно конкретный и расплывчатый характер понятия, которым оперирует Гумбольдт. То это способность языка к выражению идей, проявляющаяся в том, какими путями движется язык при создании своих форм, то это содержательные формы, в которых проявляется всякое мышление и чувствование, то, наоборот, это сам язык, т. е. вещественное, реальное звучание, образующее сущность языка.

Штейнталь пытается уточнить понятие внутренней формы языка. С этим понятием связаны, по Штейнталю, два момента: представление и категория, к которой данное представление относится. Языковое воплощение представления совершается в слове. Уже здесь приходится различать внешнюю, т. е. звуковую, и внутреннюю форму. Для того, чтобы составить себе представление о роли языка в образовании слов, недостаточно ссылки на внешнюю, чисто звуковую форму. Необходимо уяснить себе и роль «другого конститутивного принципа языка» [18, с. 39, 40], его внутренней формы. В этом плане Штейнталь обращает внимание на указание Гумбольдта относительно роли слова в процессе наречения предмета: «Слово, как указывалось выше, является, по Гумбольдту, не просто наименованием уже данного в живом восприятии предмета. Это, по Гумбольдту, нечто несравненно более значительное, а именно следствие сознания чувственного образа предмета в итоге языкотворческого процесса, осуществляемого в момент словотворчества» [18, с. 42]. Процесс наречения предмета, как отмечал Гумбольдт, необходимо опирается в таких случаях на определенные признаки или отношения нарекаемого предмета. Вместе с тем, как замечает Штейнталь, в плане истолкования категорий мысли и грамматического каркаса языка Гумбольдт остается во многом неясным и противоречивым. Ключевыми в концепции Гумбольдта являются понятия осознания, языкотворчества, наречения предмета и др. Гумбольдт оставил эти понятия нераскрытыми. Категории внутренней формы языка в сущности совпадают у него с логическими категориями восприятия и понятий. Штейнталь правильно отмечает, что грамматические категории и формы не получили у Гумбольдта достаточно ясного освещения. И поскольку все касающееся происхождения грамматических форм и их творческих потенций осталось невыясненным, постольку остались неясными и отношения между грамматиками разных языков, т. е., по выражению Штейнталья, «отсутствует масштаб, который позволил бы измерить отношение между грамматикой одного языка и грамматикой другого, как и отношение грамматики к общей сущности языка вообще». Гумбольдт, как мы видели, возводил категории языка к логическим категориям. С такой точки зрения было бы целесообразно реконструировать общую «обозримую систему» категорий, которая служила бы мерилом для грамматических систем отдельных языков. Но признание многообразия грамматических систем явно не согласуется с идеей единой «замкнутой логической системы категорий» [18, с. 46—47]. Штейнталь упрекает Гумбольдта в непоследовательности: то каждый язык представляется ему как реализация единого управляющего им принципа, то, напротив, все языки так или иначе сводятся к единой, общей для всех языков, системе логических категорий.

Штейнталь подверг концепцию Гумбольдта критическому рассмотрению. Из выделенных Гумбольдтом двух компонентов содержательного плана языка — универсального и идиоглотического, — из которых первой отождествлялся с логикой, а второй со специфическим для каждого языка «национальным духом языка», он оставил лишь второй. Что же касается логического компонента, то он полностью изгоняется теперь из языка. Устранение логики мотивируется относительно поздним возникновением логики в истории человечества. Недостаточно развитые в культурном отношении племена, как и дети до определенного возраста, хотя и понимают многое, но логически еще не мыслят. Вслед за Гербартом и

Лотце Штейнталь отвергает мнение, будто логика — это «естественная история мышления». Он сочувственно воспроизводит слова Лотце: «Люди говорят между собой повсеместно и с давних времен; но мыслить в строгом смысле этого слова они стали только со времен Сократа, да и то лишь в узкой сфере науки» [18, с. 90, 93].

Функционально и генетически связанная с научным мышлением логика не должна поэтому рассматриваться как изначальный коррелят языка. Язык возникает задолго до возникновения науки и связанной с нею логики. Ссылка на относительно позднее возникновение логического мышления понадобилась Штейнталю лишь для того, чтобы полностью устранить логику из сферы лингвистики и тем самым расчистить почву для психологической лингвистики.

Современная наука о мышлении в целом подтверждает идеи этнопсихологии об относительно позднем возникновении логики и логического мышления. Как убедительно показал известный французский психолог Ж. Пиаже, логическое мышление в жизни ребенка появляется относительно поздно: «первые операции над классами (первыми обобщениями. — К. С.) осуществляются в среднем между 7—8 годами, а что касается операций над высказываниями, то они появляются впервые лишь между 11 и 12 годами... Начинаясь с этого времени период операций над высказываниями окончательно складывается в 14—15 лет, когда у ребенка формируется логика взрослого» [19, с. 578]. Исследования ряда советских исследователей — Выготского, Рубинштейна и др. также подтверждают эти выводы. Но Штейнталь и другие представители так называемой этнопсихологии заходили слишком далеко, когда, отмечая относительно позднее происхождение собственно логического мышления и связывая это происхождение с развитием науки, вместе с тем принимали, что только логические суждения и умозаключения пропитаны «логосом разума» и что в дологической и донаучной эпохе развития мышление представляло собой лишь «хаотический поток» восприятий и представлений в их непосредственной психологической данности. Все дологическое развитие мышления, как и грамматического строя языка, сбрасывается при этом со счетов. Несмотря на свою генетическую установку, психологическое направление в лингвистике вовсе не поставило вопроса, каким образом совершалась в донаучном мышлении историческая подготовка логики.

В плане основного вопроса лингвистической типологии, как он ставился еще грамматикой Пор-Рояля и впоследствии на свой лад решался Гумбольдтом, — вопроса о теоретических основаниях родства всех языков и наблюдаемых расхождений между ними, — концепция Штейнталья представляла собой шаг назад в сравнении с Гумбольдтом. Последний, как мы видели, различал в строе языка как универсальный, т. е. в принципе общий для всех языков содержательный компонент в виде идеальной логической грамматики, так и специфический для каждого языка идиоглоттический элемент, выделенный под названием «национального духа языка».

Таким образом, несмотря на попытки преодоления романтических иллюзий в морфологической классификации языков, Штейнталь и его последователи сделали в этом направлении лишь робкие шаги. «Различие языков, — писал Штейнталь, — вызывается, по Боппу, различием используемой в них техники. Откуда, спрашиваем мы, происходит это различие? Почему, образуя свои грамматические формы, языки прибегают к различным средствам? Средство находится в тесном взаимодействии с целью... Если даны различные средства, то и цели различны. Различия между языками в плане их звуковых средств обусловлены различием целей, которые должны быть достигнуты с помощью звуковых форм, иначе говоря, т. е. речь идет о различии способов и форм, с помощью которых народы создают свои представления. Языки различны в той мере, в какой различается сознание каждого народного духа. Тем самым полностью опрокидывается предпосылка старой философской и исторической грамматики, согласно которой в основании всех языков мира лежит некая определенная схема категорий и всякие различия берут свое начало в звуковой стороне языка» [18, с. 104].

Романтическая классификация языков имела явную генетическую направленность, и выделенные ею классы представлялись ступенями единого процесса глоттогонии. Гипотеза этого рода нуждалась как в эмпирическом, так и теоретическом обосновании. Романтики, однако, как замечает Штейнталь, уделяли слишком мало внимания этой стороне дела. Проблема закономерностей перехода от аморфности к агглютинации и от агглютинации к флексии их в сущности не занимала. Вопросы, которые они задавали себе, отличались надуманностью. А. Шлегель, например, интересовался тем, может ли язык с низшего уровня развития подняться на более высокую ступень, может ли, например, агглютинация перерасти во флексию. Штейнталь возражает против самой постановки вопроса. Науку, говорит он, должны интересовать не абстрактные возможности, а реальные закономерности и предпосылки их осуществления.

К числу теоретических вопросов, подлежащих рассмотрению, относилось, в частности, соотношение знаменательных или вещественных значений в словарном составе языка. Вопрос о природе этого различия имел прямое отношение к морфологической классификации. Утверждали ведь Гумбольдт и Бопп, что китайский язык вовсе лишен грамматического строя.

Создается впечатление, что главной в романтической концепции была не идея развития грамматического строя, а понятие «агглютинации», или «сращения корней». Романтики мало интересовались функциональной стороной грамматических формул и во всяком случае не находили в ней опоры для своих генетических построений. Тем охотнее они усматривали проявление прогресса в процессе образования громоздких флексивных парадигм, нашедшем наиболее полное воплощение в строе древних индоевропейских языков.

Гумбольдт явно отвергал возможность исторической эволюции низших морфологических типов в более высокие. Для него эти типы представляли скорее различные степени реализации духа. У Шлейхера рядоположность Гумбольдта превратилась в последовательность. Шлейхер отбросил признак инкорпорации как отдельного типа, вернувшись таким образом к тричности. Рассматривая язык как естественное явление, он отказался от понятия «народного духа» и скорее был готов сближать языки с растительным миром¹.

Штейнталь, как мы видели, не всегда был последователен в своей критике Гумбольдта. Недостаточно последовательным был он и в своей критике теоретических оснований морфологической классификации языков. Достаточно вспомнить в этом отношении противоречивые рассуждения Штейнталья о соотношении формы и грамматической функции в морфологии. Но что же предлагает сам Штейнталь взамен отвергнутой им романтической классификации?

Предложенное Штейнталем понятие морфологического типа заметно отличается от понятия морфологического класса языков, хотя и опирается на последнее. Понятие класса основывается на предпосылке, что все элементы класса в принципе равны и что каждый элемент данного класса вправе, так сказать, представлять свой класс. Что же касается понятия типа, то оно заранее считается с возможностью индивидуальных вариаций внутри класса. В силу таких отклонений некоторые элементы класса выявляют специфические признаки класса в более яркой и броса-

¹ Неогумбольдтианцы (Леви, Хартман, Вайсгербер и Уорф) еще рассматривали язык как выражение «духа народа», но уже не придерживались морфологической классификации и находились под воздействием структурализма. Сепир отбросил оценочные и эволюционные аспекты теории, но он отчетливо видел, что структура слова является важнейшим моментом структуры языков и выказал явную симпатию к пониманию языка как выражения «духа народа», возрождая точку зрения о языке как «мировоззрении» (гипотеза Сепира—Уорфа). Эта сторона концепции Сепира, роднящая его с Гумбольдтом, проявляется особенно наглядно, когда, выделив две разные оси классификации, степень синтеза и технику, он отворачивается от них как от чисто внешних и материальных и переходит к тому, что он считает более глубокой и более существенной классификацией, основанной на выражении или невыражении некоторых классов концептов, деривационных и конкретно реляционных [20].

кой форме, нежели другие. Вполне естественно, что такие элементы с большим основанием могут служить образцовыми представителями класса, его наглядными и типичными проявлениями. Индивидуальные особенности такого элемента имеют значительную эвристическую ценность, превращая отдельный элемент в эталон определенного класса. Они избавляют нас от необходимости подробно анализировать понятие класса и вычленять из класса один его признак за другими.

Понятие языкового типа, которым Штейнталь стремится заменить романтическое понятие класса языков, хотя и связано с понятием класса, но в некоторых отношениях противоположно ему. Если понятие класса в принципе охватывает все элементы данного класса, не оказывая предпочтения какому-либо одному из них, то понятие типа ориентировано на определенный элемент класса, а именно тот, который ярче и выразительнее других воплощает в себе определенные черты данного класса. В этом своем качестве данный элемент становится **т и п о в ы м**, характерным **о б р а з ц о м** данного класса, позволяющим легко опознавать языки, относящиеся к данному типу. Понятие типа, таким образом, заключает в себе свойства обобщенности и репрезентативности, сохраняя в то же время и конкретные черты индивидуального элемента класса. Научное определение типа должно в этих целях избегать абстрактных характеристик. В интересах дела оно должно заключать в себе и некоторые частности, даже если последние плохо согласуются с общим определением данного типа.

«Под типом человеческой речи,— писал один из последователей Штейнталя Фр. Финк,— понимают некоторую совокупность речевых признаков, являющуюся общей для определенной более или менее значительной группы языков, то **о б щ е е**, что является характерным для них и в качестве образчика позволяет легко распознавать это общее» [21]. Так, в «Характеристике» Штейнталя в качестве типичного представителя изолирующего строя рассматривается китайский язык, в качестве представителя инкорпорирующего строя — один из индейских языков Мексики, для характеристики флективного строя привлекаются к рассмотрению языки греческий и немецкий и т. д. Сторонники теории типологии в собственном смысле этого термина, к которым, кроме Штейнталя, относятся еще и такие последователи его, как Фр. Мистели, Г. Винклер, Фр. Н. Финк и др., в качестве типовых языков обычно приводят лишь небольшое число конкретных языков. Так, Финк описывает всего 8 типовых языков: китайский, гренландский, южноафриканский язык субия (верховья Замбези), турецкий, самоанский, арабский, греческий и грузинский. Последовательность, в которой они рассматриваются, не отвечает при этом какому-либо историческому порядку, подразумевающему восхождение от простейшего к наиболее совершенному и от первобытного до наиболее развитого состояния².

Как уже говорилось, типология давно выделилась в качестве особой лингвистической дисциплины. Подобно сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, она возникла в начале XIX в. и явилась порождением романтических веяний в немецкой науке. Но если последняя из названных наук сразу нашла свой путь и уверенно стала продвигаться в избранном направлении, то теоретический статус типологии и ее место в общей системе лингвистических дисциплин остается по сей день недостаточно проясненным, несмотря на непрерывные поиски в разных направлениях. Чисто классификационный подход к морфологии, характерный для типологии в начале прошлого века, вскоре уступил место собственно типологической трактовке морфологических фактов, в котором понятие класса было вытеснено понятием **т и п а** языка. Как показал Штейнталь,

² В истории русской лингвистической мысли фортунаатовской концепции грамматики противостоят концепция А. А. Потебни. Если первая из них во многом опирается на сравнительную грамматику индоевропейских языков и генетически связанную с нею морфологическую классификацию языков, то генетико-лингвистическая концепция А. А. Потебни органически вытекает из идей Гумбольдта и его продолжателя Штейнталя.

эти понятия не совпадают и первое из них должно уступить место другому. Но и собственно типологическое направление удержалось в типологии ненадолго. Как и классификационное направление, оно опиралось на представление, будто единственным объектом типологии могут быть лишь морфологические явления. Но уже в XIX в. и особенно интенсивно в текущем столетии стали разрабатываться проблемы синтаксической типологии, привлекавшие к себе внимание многих исследователей. С возникновением фонологии стали не редкостью исследования в области типов фонологических систем³. А в самое последнее время стала складываться так называемая «типология универсалий», стремящаяся охватить элементы едва ли не всех «уровней» языкового строя и разработать науку об общих закономерностях их построения и функционирования.

К сожалению, и единое, достаточно утвердившееся определение типологии как науки пока отсутствует. Выше указывалось, что одни ученые понимают типологию как науку, исследующую основание и способы морфологической классификации языков. Другие характеризуют типологию в соответствии с ее обозначением как учение о типах языков. Находятся и такие исследователи, которые в равной мере пользуются обоими определениями, вопреки тому, что основанное Штейнталем «собственно типологическое» направление в типологии давно показало, что классы и типы далеко не одно и то же. Встречаются, однако, и другие определения, далекие от упомянутых ранее.

Как известно, уже с первых шагов типология обнаруживает близкие связи с компаративистикой. Но связи эти, вполне очевидные в начальный период, впоследствии несколько затемняются, и в настоящее время можно даже слышать голоса, резко противопоставляющие одну науку другой. Так, в современном языкознании типологию нередко квалифицируют как науку в принципе синхроническую, тем самым противопоставляя ее сравнительно-исторической грамматике родственных языков — науке диахронической. Типологическое (*typologique*) изучение языков определяется, по словам автора знаменитого словаря Ж. Марузо, их признаками, отвлекаясь от их истории [22]. Сходным образом характеризуют типологию и Ч. Е. Базелл, а также языковеды-романтики, к которым восходит поныне продолжающаяся традиция типологических изысканий. Базелл видит в типологии прежде всего классификацию языков. Но, в отличие от романтиков, он утверждает, что в настоящее время речь идет о «классификации языков по их общей структуре, а не по их историческому или географическому родству» [23]. Такое «новое» отношение к типологии вызвано, — по мнению английского исследователя, — «вниманием, проявленным в настоящее время к синхронному анализу отдельных языков». Нетрудно заметить, что подобное понимание типологии в корне отрицает возможность историко-типологических исследований.

Сходную до некоторой степени позицию занимает и Дж. Гринберг. «Рельефной особенностью современной типологии, отражающей ее развитие в рамках структуралистической матрицы, является, — как пишет этот американский типолог, — ее принципиально синхронная установка, . . . связанная с особенностью структурализма, его стремлением описать каждый язык в его собственных проявлениях». Гринберг, однако, не столь категоричен в своих суждениях по данному вопросу, как Марузо и Базелл. В своей концепции он оставляет определенное место и для генетической типологии. Отмечая, что структура языка является определенным образом организованной целостностью, допускающей в известных границах «рассмотрение в отвлечении от своего прошлого», он вместе с тем замечает, что «исторический модус объяснения, казавшийся единственно допустимым при традиционном генетическом подходе, если и не отвергается вовсе, то рассматривается лишь как один из возможных способов объяснения» [24].

³ Некоторые направления структурализма (например, американское, которое в некоторых фундаментальных аспектах продолжало младограмматическую традицию) в значительной мере игнорировали типологию. Зато американская школа и, в известной мере, жене́вская проявляли значительный интерес к этой науке.

Точка зрения, подчеркивающая одностороннюю связь типологии с морфологией и в принципе отвергающая возможность историко-типологических исследований, вряд ли может быть поддержана современной наукой. С тех пор, как на исходе XIX и в начале XX в. наметился кризис теоретических основ классической индоевропеистики⁴, многие исследователи обратили свои взоры к типологии, усмотрев в ней дополнительный источник материалов для реконструкции исторического прошлого сопоставляемых языков. Историко-типологические исследования в области синтаксиса давно уже не являются больше новинкой в советском языкознании. Восьмой конгресс лингвистов, состоявшийся в Осло, заслушал специальный доклад Р. Якобсона о том, как типологические исследования могут служить ориентиром при определении значимости реконструированных на основе сравнительно-исторического метода систем [25].

Точка зрения Марузо, Базелла и др. резко отличается от подчеркнуто исторического осмысления типологии, прослеживающегося у основателей этой сравнительной науки. Первой исторической формой, в которой появилась типология, была, как известно, морфологическая классификация языков, которую Ф. Бопп, основатель сравнительно-исторического языкознания, называл «глоттогонической» или «естественно-исторической». Связь типологии с историей и историческим прошлым не случайна. Но если история языка использует данные сравнительного анализа в целях реконструкции исторического прошлого сравниваемых языков, то типология пользуется сравнением с иной целью, а именно с целью «выяснить универсальные законы развития речевого мышления и формирования морфологического строя языка не только в процессе его исторического развития, но и в его функционировании, которое всегда синхронно. Поэтому когда говорят о принципиальной синхронной типологии, то имеют в виду лишь одну из сторон этой науки.

Не ставя своей целью дать исчерпывающий перечень мнений современных зарубежных исследователей, касающихся типологии, назову еще возникшую в последнее время и усиленно разрабатываемую в США «типологию универсалий», ориентирующую типологию в совершенно ином направлении. Одной из основных задач этого течения является определение общих закономерностей языкового строя, «построение общей теории языка» и выявление универсальных (действительных для любого языка) закономерностей и соотношений. Согласно последней точке зрения, типология — это раздел сравнительного языкознания, занимающийся выявлением языкового сходства, обусловленного общими закономерностями языкового строя (в отличие от закономерностей, обусловленных такими привходящими обстоятельствами, как проявляющаяся в феноменах материального родства генетическая общность языков определенной группы).

Авторы меморандума о языковых универсалиях (Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс) различают четыре основных типа универсалий, в зависимости от того, в терминах какого языкового уровня сформулирована данная универсалия — фонологические, грамматические, семантические и символические. Из них первые три типа затрагивают или форму независимо от значения, или значение независимо от формы, тогда как последний (имеется в виду фонемный символизм) предполагает связь формы и значения [26, с. 38, 40].

⁴ Здесь нельзя не отметить контраста между великими надеждами языкознания рассматриваемой ранее эпохи и настроениями ряда исследователей начала текущего века. Если многие мыслители XVII—XVIII вв. исполнены веры в будущее лингвистической науки, если они предчувствуют возможность разработки «экспериментальной философии» на базе науки о языке, то XX в. в этом отношении не свободен от пессимистических настроений. Даже такой крупный исследователь, как Ф. де Соссюр, который провел великолепные исследования в такой сложной области индоевропейского сравнительно-исторического языкознания, как сравнительная акцентология, не мог избежать пессимистических ноток в трактовке проблемы взаимоотношений языка и сознания. Мышление для Соссюра не более, чем аморфная туманная масса, лишенная внутренних членений и в сущности недоступная рациональному анализу.

Обнаружение универсалий представляет несомненный интерес в плане исследования ряда типологических вопросов. Среди универсалий, касающихся порядка слов в предложении, Дж. Гринберг находит следующую универсалию, касающуюся относительного порядка субъекта /S/, глагола /V/ и объекта /O/ в повествовательных предложениях. Как замечает американский типолог, логически даны 6 возможных типов порядка: SVO, SOV, VSO, VOS, OSV и OVS. Из них, однако, обычно встречаются лишь три. Остальные три не встречаются вовсе, либо во всяком случае, как показали материалы 30 языков, чрезвычайно редки. К первым трем типам относятся: VSO, SVO и SOV. Это означает, что позиция глагола по отношению к двум его аргументам в семантическом отношении прелеванта. Общая закономерность, следовательно, такова, что в указанной позиции преобладает порядок слов, при котором субъект предшествует объекту. Эта закономерность легко объяснима, т. к. субъект — это «аргумент, соединяющийся со своим предикатом» [27, с. 196], точнее говоря, аргумент, занимающий нулевую позицию при глагольном предикате, т. е. позицию, не требующую семантического уточнения и глагола в интенциональном плане.

В нашей стране «типологию универсалий» с особой энергией и последовательностью развивал Б. А. Успенский. Все разновидности сравнительного языкознания, по его словам, «исследуют с разных позиций и под разным углом зрения явления языкового сходства». «Возможны, — писал Б. А. Успенский, — вообще говоря, всего три вида объяснения языкового сходства... — генетическое (когда сходство языков объясняется общностью их происхождения), ареальное (когда оно объясняется контактами соответствующих языков), и наконец, типологическое (когда сходство языков объясняется какими-то универсальными закономерностями)» [28, с. 13].

Соглашаясь с таким рассмотрением типологии в его исходном пункте, мы, однако, считаем его несколько односторонним. Любое сравнение по необходимости опирается всякий раз на элементы сходства в сопоставляемых явлениях. Но с неменьшим основанием можно утверждать, что, опираясь на открытые в явлениях (объектах) элементы сходства, исследователь находит в них и различительные черты. Сходство не только не исключает различий, но и необходимо опирается на них. Связанные друг с другом и взаимно обусловленные различия не менее существенны для типологии, чем сами по себе отмеченные сходства. Л. В. Щерба называл такие связи «взаимообусловленностями отдельных элементов языковых структур» [29] и подчеркивал важность их изучения. Такие внешне непохожие и далекие друг от друга явления, как развитая флективная морфология и свободный порядок слов, внутренне, т. е. функционально, связаны между собой. Порядок слов может быть «свободным» лишь в меру того, как функции связанного порядка слов замещаются специализированными флективными формами.

Универсалиями стали называть обобщенные высказывания относительно свойств или признаков, в принципе общих для всех языков. Разумеется, не все обобщения этого рода представляют реальный интерес для науки. Так, например, высказывания типа *Все языки имеют фонемы, В каждом языке есть слова* и т. п. содержат в себе банальные истины и лишены в силу этого всякой информативной ценности. Подлинный интерес представляют обобщения, вскрывающие закономерные внутренние связи между элементами языковых структур. Таковы, в частности, «взаимообусловленности отдельных элементов языковых структур», о которых писал Л. В. Щерба. В качестве примеров таких взаимообусловленностей он называл, в частности, связь свободного порядка слов с флективной морфологией или связь противоположения согласных по силе с отсутствием противоположения по звонкости.

Тривиальность некоторых универсалий устраняется, как только выясняются фактические основания, лежащие в основе данной универсалии. Как замечает Б. А. Успенский, утверждение «если в языке имеется дифференциация наклонений, то среди них имеется и изъявительное на-

клонение» само по себе тривиально. Оно становится более содержательным, когда эксплицируется место изъявительного наклонения в общем ряду наклонений, его нулевая позиция в парадигме наклонений. Высказывание о наклонении, таким образом, усложняется, превращаясь в высказывание о строении парадигмы наклонений [28, с. 16].

Типология универсалий сложилась в американском языкознании, где до сих пор еще ощутимы традиции блумфилдианства, с характерными для него эмпиристическими тенденциями. Блумфилд в свое время утверждал, что «единственно имеющими силу обобщениями относительно языка являются индуктивные обобщения». Создается впечатление, что типология универсалий, сложившаяся в американской лингвистике, продолжает блумфилдианскую традицию. Особенно выпукло это проявляется у Хоккета, который, ссылаясь на только что приведенное высказывание Блумфилда, писал: «Наша цель — не изобретать языковые универсалии, а открывать их» [30, с. 45]. Зайлер справедливо возражал Хоккету, отмечая, что следует различать универсалии и обобщения. Соглашаясь с тем, что универсалии «изобретать» не следует, Зайлер вместе с тем находит, что простого «открытия» в таком случае недостаточно. «Если мы собираемся открывать, — продолжает он, — мы должны знать, чего мы ищем. Другими словами, нам нужна гипотеза, которая бы организовывала и направляла ход нашего исследования. Мы должны быть в состоянии ответить на вопросы типа следующих: какие свойства языка надо рассмотреть? Только ли такие, которые могут быть обнаружены в каждом отдельном языке? Или в равной мере и такие свойства, которые широко распространены, хотя и не встречаются во всех языках...одно лишь наблюдение и классификация на универсалии, полууниверсалии, дифференциальные признаки и др. не поможет нам ответить на вопросы. То, что дает наблюдение, а именно данные о дистрибуции данного явления в языках мира, не может быть главным. Напротив того, мы чувствуем, что должно быть нечто более фундаментальное и что мы должны попытаться определить, в чем это главное заключается» [31, с. 208] (Зайлер против того, чтобы рассматривать генерализации и универсалии как синонимы).

На эту же тему высказался и Гринберг. Отмечая, что «одной из повторяющихся тем на „учредительной“ встрече было упоминание о тезисах Блумфилда относительно научной значимости одних и лишь индуктивных обобщений», Гринберг заметил: «Однако представляется общепризнанным, что метод науки является как индуктивным, так и дедуктивным». В целом же Гринберг допускает дедуктивное исследование лишь в качестве момента, подчиненного индуктивным обобщениям. Он пишет: «Формулирование обобщений, достигнутое в итоге индуктивного исследования, ведет к гипотезам более высокого уровня, из которых в свою очередь могут быть дедуцированы дальнейшие обобщения. Эти последние должны быть подвергнуты эмпирической проверке» [32, с. IX].

В целом создается впечатление, что типология универсалий развивается как индуктивная наука, в которой момент дедукции если и играет какую-то роль, то лишь подчиненную. Отсюда и идея представить типологию в виде «свода» или списка единичных универсалий, обнаруженных порознь, независимо друг от друга. Оценивая слабые места нового направления, Б. А. Успенский отмечает, что работа в области систематизации универсальных закономерностей только началась и что чрезвычайно важным представляется составление и постоянное пополнение свода единообразно описанных и рационально расположенных универсалий. Предстоит большая работа по выявлению связей между имеющимися универсалиями и рассмотрению причин тех или иных универсальных явлений [28, с. 31, 42].

Этому следует противопоставить мнение Базелла, согласно которому, структура не есть нечто данное в языке, что она должна быть выведена из языкового материала лингвистом. Последнее хорошо согласуется с тем, что говорят Вейнрейх и Бенвенист о необходимости описать все разновидности семантических структур, встречающиеся в естественных языках, и важности исследования логических аспектов языка, что, по

их мнению, в течение нескольких ближайших десятилетий будет составлять одно из важнейших направлений лингвистики. Ученые настаивают на том, что такое исследование должно вестись как описательно-аналитическим методом, так и дедуктивным методом «семиотической стратификации языка», а также и индуктивным аналитико-описательным методом, имеющим целью «описать все разновидности семиотических структур, встречающихся в естественных языках» [27, с. 170—171]. Бенвенист выделяет проводимое Сепиром различие «техники», т. е. определенных морфологических приемов, и «системы выражаемых ими типов отношений». Если «технику» при этом легко определить и идентифицировать, по крайней мере, в некоторых случаях, то, как замечает Бенвенист, обнаружить и идентифицировать типы отношений гораздо труднее и в этом случае описание по необходимости переплетается с толкованием. Все в последнем случае зависит от интуиции лингвиста и от того, как он «чувствует» язык. В данной проблемной ситуации исследователь должен стремиться получить «совокупность постоянных определений как для элементов структуры, так и для отношений между ними. Если удастся сформулировать некие постоянные утверждения о сущности, числе и способе сочленения конституирующих элементов языковой структуры, то тем самым будет получено научное основание для систематизации структур реальных языков в единой схеме» [33, с. 54—55].

Типологическое исследование языков не может поэтому сводиться к последовательному описанию доступных наблюдению явлений. Бенвенист осуждает ту разновидность в лингвистике, для которой язык полностью содержится в своих осуществленных манифестациях. «Каждый язык, — метко замечает он, — имеет определенное число ждущих своего решения проблем, сводящихся к одному центральному вопросу — вопросу обозначения» [33, с. 58]. К этому в сущности сводится основная задача типологии. Предварительным условием успеха в данной области является составление максимально полной таблицы грамматических категорий, подтверждающихся обозначению в грамматике любого языка. Это, так сказать, основа, или канва, на которой каждый язык расписывает свои особые узоры, категориальная матрица, определяющая своим составом морфологию любого языка. «Сепир, — писал Бенвенист, — не без основания различает технику определенных морфологических способов, т. е. материальную форму, в которой они представлены, от „системы отношений“» [33, с. 54]. Здесь возникает ряд трудностей. Эти трудности велики и в области морфологии, которая легче поддается эмпирическому наблюдению, легче в сравнении с «системой отношений», но отнюдь не в силу простоты и прозрачности самих морфологических средств.

Дело вовсе не обстоит так, что за каждым элементом морфологической системы скрывается один и только один соответствующий ему функциональный элемент. Совершаемое в опоре на морфологический анализ выявление грамматических функций представляет сплошь и рядом сложное и запутанное явление.

Типология с точки зрения теории универсалий — это наука об общих закономерностях языков. При этом, однако, не уточняется, какого рода закономерности имеются в данном случае в виду. Сам порядок и метод обнаружения универсалий описывается при этом следующим образом: «Если мы обнаруживаем язык, совпадающий по какому-то признаку с другим языком, причем первые два объяснения (генетическое и ареальное) в отношении данных языков в силу тех или иных причин отпадают, естественно предположить, что здесь имеет место некоторая универсалия, и в целях ее выявления необходимо обратиться к третьему, четвертому и т. п. языку» [28, с. 13]. Если, далее, мы встретили язык, который противоречит нашей формулировке, мы попытаемся найти в языках, где данная универсалия соблюдается, какой-то общий для них признак, который отсутствует в этом новом языке и этот признак ставим в связь с исследуемым явлением. «Или же мы предполагаем, что обнаруженный нами факт есть проявление какого-то более общего явления, которое может проявляться по-разному, — и соответственно универсалию можно сформулировать,

если обратиться от нашего конкретного феномена к более общему (т. е. перейти на иной уровень рассмотрения)» [28, с. 13].

Предлагаемый метод теоретического обоснования и разработки типологии обнаруживает, как представляется, ряд недостатков. Это эмпирический метод, не имеющий общей стратегии поисков. Рассуждая таким образом, мы не обнаруживаем наличия общей программы и метода исследования и рискуем «потонуть» в океане сходств, исследуя их одно за другим и задаваясь вопросом, отвечают ли они в какой-то мере типологической истине (т. е. универсалии) или нет.

Типология занимается сравнительным исследованием языков с целью выявления как общих закономерностей их исторического развития, так и универсальных закономерностей распределения элементов внутреннего строя в системах отдельных языков. Типологические исследования, в отличие от сравнительно-исторических, нужно называть сравнительно-типологическими, ибо элемент сравнения языковых структур в них так или иначе присутствует всегда [34]. Как и исследования, посвященные отдельным языкам, типологические исследования могут быть не только синхронными, но и диахроническими. Насущный интерес для типологии языков представляет, с нашей точки зрения, проблема речевого мышления (под которой мы понимаем элементарные формы мышления, лежащие в основе языкового строя и процессов речевой деятельности). С определенной точки зрения можно даже сказать, что дальнейшее развитие лингвистической типологии во многом зависит от разработки данной проблемы [35].

ЛИТЕРАТУРА

13. Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Ч. II. М.—Л., 1977, с. 237.
14. Кацнельсон С. Д. Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта. — В кн.: Понимание историзма и развитие в языкознании первой половины XIX в. Л., 1983.
15. Humboldt W. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. — In: Humboldt W. Schriften zur Sprachphilosophie. Stuttgart, 1963.
16. Сахаров В. И. О жизни и творениях В. Ф. Одоевского. — В кн.: Одоевский В. Ф. Соч.: В 2-х т. М., 1918, т. 1, с. 353.
17. Steinthal H. Die Klassifikation der Sprachen dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee. Berlin, 1850.
18. Steinthal H. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1860.
19. Пижае Ж. Избранные психологические труды. М., 1969, с. 578.
20. Saussure A. H. Introduction to the science of language. V. II. London, 1879, p. 41.
21. Finck F. N. Die Haupttypen des Sprachbaues. Leipzig, 1909 (3-te Aufl., Leipzig, 1936, S.).
22. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, с. 340.
23. Базелл Ч. Е. Лингвистическая типология. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 12.
24. Greenberg J. H. The role of typology in the development of scientific linguistics. — In: Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages. Ed. by Dezső L. and Hajdn P. Budapest, 1970, p. 12.
25. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. — Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
26. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии). М., 1970.
27. Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V.
28. Успенский Б. А. Проблема универсалий в языкознании. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V.
29. Щерба Л. В. Очередные проблемы языкознания. — ИАН ОЛЯ, 1945, № 5, с. 173.
30. Хоккет Ч. Ф. Проблема языковых универсалий. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V.
31. Seiler H. Universals of language. — In: Seiler H. Sprache und Sprachen. Gesammelte Aufsätze, München, 1971.
32. Universals of language. Ed. by Greenberg J. Cambridge (Mass.), 1963, p. IX.
33. Бенвенист Э. Классификация языков. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
34. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
35. Кацнельсон С. Д. Типология и речевое мышление. Л., 1972.